

А. Ф. Вишневский

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УЧЕНИЯ О ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТАХ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПРАВОВОЙ НАУКЕ

В статье рассматривается становление, развитие и современное состояние учения о юридических фактах. Особо выделяется, что первопроходцами в исследовании юридических фактов были римские юристы. Отмечается, что само понятие «юридический факт» впервые ввел в научный оборот Ф. К. Савиньи. В законодательстве понятие «юридические факты» впервые нашло свое отражение в ст. 104–185 Германского гражданского уложения 1900 г. Автор впервые обосновывает вклад в разработку теории юридического факта известного дореволюционного юриста Ф. В. Тарановского. Критическому анализу подвергнута теория юридических фактов профессора Санкт-Петербургского, а с 1918 г. – Варшавского университета Л. И. Петражицкого, правоведов П. И. Стучки, А. Я. Вышинского. Отмечается выдающийся вклад в развитие теории юридических фактов современных ученых С. С. Алексеева, В. Б. Исакова, В. А. Кучинского и др.

The formation, the development and the doctrine modern condition of the theory of the legal facts are considered in the article. The position that the Roman lawyers were the trailblazers in the research of the legal facts is especially allocated. It is noticed that for the first time the concept «the legal fact» in the scientific turn was introduced by F. K. Savini. In the legislation the concept «the legal facts» was found for the first time in the articles 104–185 of the German civil collection of the 1900. For the first time the author proves the contribution to working out of the theory of the legal fact of known pre-revolutionary lawyer F. V. Taranovsky. In the article the theory of the legal facts of the professor of St.-Petersburg university, and since 1918 – of Warsaw university L. I. Petrazhitzky, of the jurists P. I. Stuchka, A. J. Vyshinsky is subjected to the critical analysis. It is marked the giving out contribution to development of the theory of the legal facts of S. S. Alekseev, V. B. Isakova, V. A. Kuchinsky in modern time.

Ключевые слова: юридический факт, теория юридических фактов, норма права, правоотношения.

Keywords: legal fact, theory of the legal facts, legal norm, legal relations.

В процессе общественной жизни постоянно возникают многочисленные и разнообразные отношения между отдельными людьми, между людьми и различными органами и организациями: трудовые, экономические, политические, семейные, религиозные, процессуальные, налоговые и др. Все они в той или иной степени упорядочены, организованы и опосредованы с помощью комплекса норм социального регулирования: моральных, религиозных, корпоративных, обычаев и др. Значительная часть из них регулируется нормами права. Общественные отношения, урегулированные юридическими нормами и осуществляемые на их основе (в правовой форме), именуется в теоретической юридической науке правовыми отношениями, или, кратко, правоотношениями. Такие отношения существуют во всех сферах жизни общества, в целом создают в нем правопорядок, придают ему стабильный и целенаправленный характер.

Понятие «правоотношение» является одной из важнейших категорий общей теории права, поскольку оно (правоотношение) представляет собой такой элемент механизма правового регулирования, при помощи которого абстрактные правовые установления (объективное право) трансформируются в права и обязанности конкретных лиц в процессе удовлетворения ими взаимных потребностей и интересов, т. е. превращаются в субъективные права и обязанности.

В юридической литературе существуют многочисленные определения понятия правового отношения. Например: «Правоотношение – это урегулированная нормами права общественная связь (отношение), участники которой имеют соответствующие субъективные права и юридические обязанности» (С. А. Комаров, А. В. Малько) [1, с. 332]. «Правоотношения, – указывает В. М. Сырых, – это индивидуализированная связь, которая возникает на основе правовых норм между гражданами и иными лицами в форме субъективных прав и юридических обязанностей и поддерживается принудительной силой государства» [2, с. 312]. Профессор А. В. Мицкевич определение правоотношений дает в следующем изложении: «Правовые отношения – есть отношения между людьми и их организациями, урегулированные нормами права и состоящие во взаимной (либо односторонней – для простейших отношений) связи субъективных прав и юридических обязанностей, предусмотренных нормами права» [3, с. 129].

Несмотря на различные словосочетания, все эти определения совпадают в одном: правоотношение понимается как урегулированное нормами права общественное отношение, участники которого являются носителями субъективных прав и юридических обязанностей, охраняемых и гарантируемых государством.

В ряду многочисленных определений правовых отношений более полной и обоснованной представляется точка зрения профессора В. А. Кучинского, который определяет правовые отношения как «юридическую форму общественных отношений, представляющую собой возникающие на основе правовых норм и предусмотренных ими определенных жизненных обстоятельств (юридических

фактов) связи конкретных субъектов права, обладающих взаимными субъективными правами и обязанностями, реализуемыми в их поведении и гарантируемыми государством» [4, с. 85].

Таким образом, научные представления о том, что правоотношение является юридической формой общественных отношений, могут быть оценены как наиболее приближенные к истине, к действительному положению вещей, однако с некоторым весьма существенным уточнением. Речь идет о том, что правоотношения являются не просто юридической формой регулируемых правом общественных отношений, а юридическим средством реализации правовых предписаний путем их осуществления конкретными субъектами права.

Для возникновения, изменения или прекращения правоотношений требуются не только заинтересованность в этом субъектов права, но и определенные жизненные обстоятельства, факты. Последние могут быть самыми разнообразными. Не все из них оказывают влияние на правоотношения, а лишь те, которые обозначены в нормативных правовых актах и с которыми законодатель связывает возможность осуществления участниками правоотношений их субъективных прав и юридических обязанностей.

В различных нормах права, а точнее в их гипотезах, государство определяет вид тех жизненных условий, обстоятельств, т. е. реальных фактов, которые признаются значимыми в юридическом отношении и влекут за собой правовые последствия. Такие жизненные обстоятельства в правовой теории и практике называют юридическими фактами. С ними нормы права связывают возникновение, изменение и прекращение правоотношений.

Авторы, исследующие проблему юридических фактов как оснований возникновения, изменения и прекращения правоотношений, единодушно указывают на то, что истоки понятия «юридический факт» необходимо искать в глубокой истории юридической науки. Так, один из ведущих исследователей в рассматриваемой области юриспруденции В. Б. Исаков отмечает, что уже в римском праве различалось несколько оснований возникновения правоотношений. «В институциях Гая их четыре: контракт, квазиконтракт, деликт, квазиделикт. Позже стали выделять пятое основание – одностороннюю сделку. Выделялись также сроки, основания заключения и прекращения брака, основания перехода вещей по наследству и другие юридические факты» [5, с. 5]. Вместе с тем В. Б. Исаков, а также другие исследователи (О. А. Красавчиков, В. А. Кучинский, В. В. Ярков и др.) отмечают, что общее понятие юридического факта, как и понятие правоотношения, римские юристы не сформулировали. Правда, в последнее время в результате детального анализа сведений о юридических фактах в римских источниках и их оценок в историографии (прежде всего итальянской) делаются выводы, что среди существующего множества видов конкретных сделок, исков, сроков, видов правонарушений, фактических событий некоторое общее представление о юридических фактах косвенно, латентно все же присутствует в римском праве [6, с. 128–136; 7, с. 44–46]. «Развитие знаний о юридических фактах, – полагает А. А. Дворецкая, – остановилось в римской юриспруденции на уровне концептуального осмысления (общего замысла): есть многочисленные обобщенные абстрактные понятия, но еще нет систематизирующих, основополагающих для теории юридических фактов категорий (юридический факт, правовой акт, сделка). Римляне были настолько близки к их выведению, что пандектистика, применив метод абстрагирования, легко обобщила содержащийся в римских источниках материал и вывела эти категории. Образно говоря, незаконченная картина юридического факта в римском праве содержала уже наметившиеся, а иногда и четко очерченные фигуры (концепты), но еще слабо определяла общую идею. На основании этого позднейшая правовая наука, придав четкость уже имеющимся линиям и уточнив общую идею, смогла создать развитую теорию юридического факта» [8, с. 7].

Одним из направлений рецепции римского права в Западной Европе в Средние века стала попытка извлечения из него общих начал, способствующих «отделению разнородных и соединению однородных фактов, изучению целого как средства более полного познания частного» [9, с. 63]. Такой путь формирования прошла и теория юридического факта.

Данная теория обстоятельно начала формироваться в немецкой исторической школе права в первой половине XIX в. При этом, однако, отметим, что понятие «юридические факты», как и некоторые характерные их черты, выработано прежде всего пандектистикой – течением в правовой мысли, господствовавшим в Германии в указанный период. Его представители систематизировали и догматически обрабатывали нормативный материал римского права с целью выработки общих понятий, теорий, фундаментальных принципов права и т. д. В этой связи можно согласиться с профессором С. С. Алексеевым, который считает пандектистику «своеобразным концентратом культуры всепланетарного шедевра, римского частного права», «первой в истории универсальной системой юридических знаний», показателем «обобщений весьма высокого порядка» [10, с. 31, 595].

Примечательно, что категория «юридический факт» развивалась не из схоластических умозаключений, а из потребности правовой практики «охватить единым понятием разнообразные предпосылки движения конкретных правовых отношений» [5, с. 6].

Разработанное в римском праве деление оснований возникновения правоотношений на определенные виды было воспринято Кодексом Наполеона и развито в последующем европейском законодательстве. Что же касается самого понятия «юридический факт», то по мнению многих исследователей впервые в научный оборот его ввел Ф. К. Савиньи в своем шеститомном фундаментальном труде «Система современного римского права» (1840), в старой интерпретации перевода «Система нынешнего действующего римского права» [11, с. 66]. «Я называю, – писал ученый, – события, вызывающие возникновение или окончание правоотношений, юридическими фактами» [12, с. 36]. Насколько высокую оценку Савиньи давал праву Древнего Рима можно судить уже по тому, что Свод законов Юстиниана он считал «сокровищницей не подверженных времени правовых ценностей, которые можно применять в современной практике» [13, с. 9]. Следует согласиться со специалистами в области истории права, что и современная юридическая наука не должна отказываться от такого выдающегося наследия римской юриспруденции, как открытость к восприятию чужого опыта, точность и ясность юридической терминологии, строгая логичность и аргументированность, тонкий анализ, последовательность, практичность выводов, высокая правовая культура, творческий дух, универсализм, индивидуализм и многое другое [14; 15; 16].

В законодательстве понятие «юридические факты» впервые нашло свое отражение в ст. 104–185 Германского гражданского уложения 1900 г., часто упоминающегося под названием Германский гражданский кодекс. Столь позднее появление понятия правовых фактов в юриспруденции профессор В. А. Витушко объясняет формированием к тому времени в науке «основ универсальных прав человека вне зависимости от его социального статуса, отделением юридических прав (обязанностей) от конкретной личности; формированием представлений о праве как об особом социальном феномене и как об объекте правоотношений; формированием науки (теории) о праве как особом социальном знании, отличном от морали, философии и других регулятивных систем и наук» [17, с. 4].

Для понимания исторически обусловленного развития теории юридических фактов неоспоримое значение имеет то обстоятельство, что она сложилась в русле формально-догматической юриспруденции под сильным влиянием юридического позитивизма. Именно благодаря представителям нормативного позитивизма в рамках теории юридических фактов было разработано понятие юридического факта, фактического состава, дана их классификация, показано значение юридического факта, обращено внимание на то, «что определение юридических фактов – прерогатива законодателя, что они выступают как нечто данное, исходный пункт» [5, с. 5].

В их исследованиях получили освещение проблемы соотношения юридических фактов и правовых последствий, а также другие вопросы, которые в сфере естественно-правовой или исторической школы, представителем которой был Савиньи, не поднимались. Тем не менее нельзя отрицать роли исторической школы в становлении юридического позитивизма, а следовательно, и теории юридических фактов. Не случайно, касаясь этой проблемы, крупный специалист в области истории европейского права Э. Аннерс пишет: «Еще большее общеевропейское воздействие получило правовое теоретическое учение (правовой позитивизм...), явившееся следствием взгляда исторической школы на существующее право как на самоценность, поскольку оно является результатом обобщенного опыта прошедших времен. Тем самым фактически существующее и применяемое право было узаконено, что совершенно отрицалось школой естественного права» [18, с. 307].

Таким образом, история развития правовой мысли свидетельствует о том, что именно благодаря нормативному позитивизму были разработаны научные основы современной теории юридических фактов. Первоначальное развитие теории юридических фактов связано с гражданским правом (Г. Дернбург, Р. Зом, Г. Пухта, А. Тон и др.). И это вполне объяснимо. В условиях, «когда в XIX в. европейские страны вступили в наиболее обширный и глубокий процесс общественных перемен, который когда-либо происходил в истории человечества» [18, с. 307], набирающий силу капитализм требовал тщательной регламентации имущественных отношений: оснований возникновения права собственности, отдельных обязательств, наследования, наступления несостоятельности и т. д. При этом в теории юридических фактов просматривался двуединый процесс: происходила дальнейшая детализация юридических фактов, обуславливающих многообразнейшие имущественные отношения, и одновременно их научная систематизация по различным критериям, а также выработка обобщающего понятия юридического факта как единой правовой категории. Так, немецкий исследователь Ю. Барон в монографии «Система римского гражданского права» на основе критического рассмотрения понятия юридического факта, даваемого многими западноевропейскими учеными (Б. Виндшейд, Э. Бекинг, Д. Буркарди, Е. Холдер, Ф. Савиньи, Г. Пухта, Е. Цителъман, Л. Эннекерус и др.), и скрупулезного анализа сложившейся историографии вопроса дает собственное определение юридического факта. По мнению Ю. Барона, юридический факт следует определять «как всякое обстоятельство, влекущее за

собой какое-либо юридическое последствие, т. е. возникновение, перенесение, прекращение, сохранение или изменение права» [19, с. 102].

Анализируя современный уровень теории юридических фактов, следует обратить внимание на то, что теоретическая трактовка юридических фактов европейскими исследователями в последней трети XIX в. еще не охватывала как специфических юридических признаков правовых фактов, так и их социальной значимости. Не отмечалось в частности, что юридические факты приобретают соответствующие свойства только благодаря тому, что предусматриваются правовыми нормами и порождают не общезначимые (нормативные), а субъективные (персонифицированные) последствия – субъективные права и обязанности, юридические состояния (гражданство, правосубъектность, деликтоспособность). Еще не сложились и представления о социальной значимости тех обстоятельств, которые признаются юридическими фактами.

Главным образом с позиции гражданского права (вопросы исковой давности, условия действительности и недействительности сделки, возмещения причиненного вреда и др.) теория юридических фактов на рубеже XIX–XX вв. привлекала к себе внимание и правоведов Российской империи. И это не случайно. После крестьянской реформы 1861 г. начался период бурного развития капитализма в огромной стране. Он выражался в быстром росте капиталистических форм промышленности, сельского хозяйства, в превращении помещичьего хозяйства в буржуазное, усилении рыночных отношений. Последнее требовало детальной правовой регламентации имущественных отношений (отношений собственности, наследования, обязательств и др.).

Специалисты, занимающиеся теорией юридических фактов, в историографическом анализе проблемы не забывают упоминать труды таких российских правоведов, как Е. В. Васильевский [20], Д. Д. Grimm [21], И. А. Покровский [22], Г. Ф. Шершеневич [23], Л. И. Петражицкий [24; 25], но почему-то обходят вниманием весьма известного в свое время историка и теоретика права Ф. В. Тарановского. А между тем он шел впереди в осознании необходимости выработки обобщающего понятия юридического факта как единой правовой категории. «Жизненные факты, – писал ученый, – признаваемые гипотезой юридической нормы за условия возникновения юридических отношений, принято называть на техническом языке правоведения юридическими фактами. Юридический факт – это всякое обстоятельство, предусматриваемое гипотезой юридической нормы и влекущее за собою, как следствие, возникновение, равно изменение и прекращение юридического отношения» [26, с. 107]. Следуя представлениям Ф. В. Тарановского, юридические факты – это конкретные жизненные обстоятельства (условия, ситуации), с которыми нормы права связывают возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Они являются одним из наиболее важных факторов формирования и развития правоотношений. По Тарановскому, те или иные факты становятся юридическими не в силу каких-то особых внутренних свойств, а в результате признания их таковыми государством, законом. Это значит, что придание правового характера тем или иным жизненным обстоятельствам целиком зависит от воли законодателя, официальной власти, а не от самих участников общественных отношений. Ф. В. Тарановский признавал, что с точки зрения законодателя, все жизненные факты и обстоятельства делятся на юридически значимые и юридически безразличные. Однако, как отмечал ученый, «до сих пор наука не выработала схемы рациональной классификации юридических фактов. Не вдаваясь в обсуждение многочисленных и многообразных контраргументов по этому вопросу, остановимся на той квалификации, которую можно считать наиболее принятой» [26, с. 108]. Ф. В. Тарановский, в целом придерживаясь традиционных для отечественного правоведения взглядов, считал, что в основу наиболее принятой классификации юридических фактов могут быть положены такие два начала, как отношение юридических фактов к воле лица и отношение юридических фактов к норме объективного права.

По первому признаку различаются юридические факты, которые совершаются без участия воли лица, а также те, которые совершаются при участии его воли. Первые называются юридическими событиями, вторые – юридическими действиями.

Второй классификационный признак приводит к делению всех юридических фактов на правомерные и на противоречащие объективному праву, т. е. неправомерные. Указанное различие, по мнению Ф. В. Тарановского, применимо как к юридическим действиям, так и к юридическим событиям, и потому выступает в качестве подразделения и тех, и других. Подобной позиции придерживались и некоторые другие ученые. «Юридические действия и события (явления) могут быть правомерными и неправомерными» – писал автор известного в начале XX в. курса лекций по общей теории права профессор В. И. Лебедев [11, с. 55]. Согласно современным правовым представлениям (в отличие от мнений ряда исследователей конца XIX – начала XX в., например, тех же В. И. Лебедева и Ф. В. Тарановского) события не могут подразделяться на правомерные или неправомерные, так как по своей природе они не зависят ни от воли, ни от сознания людей.

Как известно, юридическому позитивизму оппонировала психологическая школа права, основателем и главным представителем которой являлся профессор Санкт-Петербургского, а с 1918 г. –

Варшавского университета Л. И. Петражицкий. В его доктрине все юридические явления рассматриваются сквозь призму индивидуальной психики человека, насколько они отражаются в индивидуальном сознании. И само понимание права переносится в иную плоскость, поскольку оно находится якобы в сфере индивидуальной психики (под правом понимается совокупность психических эмоций, переживаний) [25]. Для психологической теории права характерно исследование в первую очередь мотивации правового поведения, на что традиционная юриспруденция того времени не обращала достаточного внимания.

Следуя собственной доктрине, Л. И. Петражицкий имел свой, существенно отличный от формально-догматической юриспруденции, взгляд на юридические факты и их роль в правовом регулировании. Под юридическими фактами, полагал ученый, следует понимать не внешне выраженные, т. е. объективные, а представляемые отдельными субъектами события. Такое понимание юридических фактов сводило к нулю их значение в правовом регулировании общественных отношений. Со всей очевидностью практическая беспомощность психологической теории Л. И. Петражицкого обнаружилась, когда он обратился к конкретным юридическим фактам: «Важны и имеют решающее значение в правовой жизни, – писал он, – не факты заключения договоров, как таковые, а вера в существование таких фактов» [24, с. 458–459]. Подобное понимание юридических фактов не встретило и не могло встретить сколько-нибудь широкой поддержки практикующих юристов.

Досоветской правовой доктрине было известно и понятие фактического (юридического) состава правоотношения. В опубликованной в 1911 г. работе, посвященной источникам римского права, В. И. Синайский писал: «Юридические последствия наступают обыкновенно не в силу единичных юридических фактов, а вследствие целой совокупности их – юридического состава правоотношения» [27, с. 187]. Как видим, юридические факты и составы рассматривались еще не в качестве самостоятельных элементов правового воздействия (в современной интерпретации – элементов механизма правового регулирования), а как составная часть правоотношения.

Неоднократно упоминаемый выше специалист в области правовых отношений В. Б. Исаков пришел к выводу, что западная юридическая доктрина мало продвинулась в изучении вопросов юридических фактов. В английской и американской правовой науке не было создано развернутой теории юридических фактов. «Факт – это действие, состояние или событие, существование которого подтверждается допустимыми доказательствами», – сообщает американский юридический энциклопедический словарь. Аналогичное толкование понятия «факт» дает фундаментальный словарь английского права. Отсюда можно предположить, что английские и американские юристы, следуя традициям своей правовой системы, скептически относятся к абстрактным юридическим понятиям. Юридические факты определяются ими как обстоятельства, подлежащие доказыванию, имеющие значение для разрешения дела и т. д.

Романистика, преимущественно немецкая и итальянская, развивающая традиции пандектистики (Г. Пухты, Ф. Савиньи, Б. Виндшейда, Э. Бекинга, Д. Буркарди, А. Хаймбергера, Е. Хелдера и др.), проблематике юридических фактов уделяла и уделяет намного больше внимания. Особенно следует отметить работы таких авторов, как Э. Бетти, В. Шалоя, Б. Бьенди, П. Вочи, П. Бонфанте, Б. Албанезе. Из современных романистов первенство принадлежит научным изысканиям М. Таламанка, М. Марроне, В. Джуффре, Н. Скапини, Д. Диошди и др. Названные ученые исследуют вопросы общих понятий юридического факта и состава, приводят их классификации, анализируют роль юридических фактов в обеспечении прав и обязанностей субъектов правоотношений и др.

Во Франции вопросы юридических фактов рассматриваются главным образом в курсах гражданского права в связи с проблемой возникновения обязательств. Оценивая положение дел в этой области, известный французский правовед Л. Жюллио де ла Морандьер писал: «Каждое из обстоятельств, за которым наше право признает силу фактора, порождающего право, производящего его переход или прекращение его, определяется особыми правилами, причем наше право не исходит из какой бы то ни было общей теории юридических фактов» [28, с. 70].

Таким образом, в научной доктрине континентальной Европы, развивавшей традиции римского права, проблематике теории юридических фактов уделялось и уделяется намного больше внимания, чем в государствах англо-саксонской правовой системы, прежде всего в Англии и США. Однако и в странах континентальной Европы вопросы теории юридических фактов находят далеко не всегда одинаковое понимание. Заметное ослабление во второй половине XX в. позитивизма в европейской правовой науке и усиление различных течений социологической направленности негативно отразились и на теории юридических фактов. С позиции западной социологии нормы права, правовые отношения обуславливаются совокупностью неправовых факторов (моральных, политических, религиозных, групповых). Вследствие этого интерес к исследованию собственно юридических фактов в рамках юридической науки стал постепенно ослабевать. И в этом можно усматривать стремление представителей западной юридической доктрины постепенно уйти от юридического позитивизма.

Западную юстицию в гораздо большей степени волнует проблема обеспечения интересов бизнеса, чем юридическая обоснованность (законность) тех или иных правовых действий.

Пришедшие в России в октябре 1917 г. к власти марксисты-ортодоксы заняли в большинстве своем нигилистические позиции в отношении государства и права. П. И. Стучка – один из руководителей наркомата юстиции во время гражданской войны, заявлял, что «никаких твердых законов быть не может, так как только движение постоянно», и вообще «диктатура пролетариата как-то плохо вяжется со словом “писанный закон”» [29, с. 14]. А между тем законы принимались, декрет следовал за декретом, и новая власть требовала их четкого исполнения. Оказалось, что без права невозможно вернуть жизнь общества в нормальную колею, не говоря уже о создании новых социальных форм. Идеологический запрет на поиски новых определений права нарушили юристы-практики, в числе которых был и сам П. И. Стучка. Ему принадлежит первое советское определение права: «Право – это система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой» [30]. Оно было включено в «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», утвержденные постановлением Наркомюста 12 декабря 1919 г. Предложенное понимание права лежит, скорее всего, в русле социологической юриспруденции, отличаясь от большинства определений такого рода акцентом на его классовой природе. Правообразующей средой выступает здесь общество, точнее общественные классы, а государство особо не выделяется среди классово-общественных факторов, придающих силу правовой системе. Лишь в более поздних работах П. И. Стучка вынужден был отвести в своей концепции определенное место и государству [31, с. 93]. В работах других представителей советской правовой науки также имели место попытки посредством критики нормативистско-позитивистской трактовки права включить в его понятие и средства реализации (правосознание, правоприменительные акты, правоотношения) [31, с. 84–100]. Все же в целом даже сторонники отнесения к праву фактических отношений его субъектов не отрицали значимости нормативного содержания права, необходимости его формально-юридического анализа. Даже Е. Б. Пашуканис, считавший, что «адміранне буржуазнага права прывядзе да адмірання права як сацыяльнага інстытута, а не да замены яго пралетарскім правам», в конце 20-х гг. прошлого столетия пересматривает свои взгляды и «пачынае “прызнаваць” наяўнасць савецкага, а затым і сацыялістычнага права. І гэта невыпадкова, усё залежала ад зменлівай палітычнай кан’юнктуры» [31, с. 94]. Именно с изменением своих взглядов на социалистическое право Е. Б. Пашуканис отмечает, что «основные, т. е. формальные юридические понятия продолжают свое бытие в наших кодексах и в соответствующих им комментариях. Остается в силе и метод юридического мышления с его специфическими принципами» [32, с. 43].

Можно предположить, что именно благодаря эволюции взглядов советских правоведов 20-х гг. XX в. (не вдаваясь в их причины) учение о юридических фактах в правовой науке не угасло. Конечно, если ведущим моментом в 1920-е гг. в правопонимании являлся классовый интерес, точнее интересы господствующего класса, порождающие систему (порядок) общественных отношений, то и в подходе к юридическим фактам классовое начало оставалось магистральным. Так, например, когда в 1930 г. редакция БСЭ поручила П. И. Стучке подготовить статью «Юридические факты», то в целом верное определение юридических фактов, даваемое буржуазной юридической наукой, он постарался перевести в русло, на наш взгляд, неконструктивной критики «врагов» социализма, не дав при этом своего собственного определения. «Юридические факты, – писал П. И. Стучка, – представляют собой по воззрениям буржуазной юриспруденции такие факты, с которыми связываются правовые последствия, т. е. возникновение, изменение или прекращение правоотношений <...> Юридические факты делятся на положительные и отрицательные; об отрицательных юридических фактах говорится в том случае, когда для наличия права необходимо отсутствие какого-либо факта <...> С другой стороны, юридические факты делятся на: 1) факты, не зависящие от воли человека (например, наводнение, являющееся основанием для отсрочки исполнения обязательства); 2) факты волевые, или “юридические действия” (например, заключение договора, исполнение обязательства). Буржуазные юристы, вводя усложненное понятие юридических фактов, противопоставляют их всем остальным фактам, якобы для правовой жизни абсолютно “безразличным”. Между тем деление фактов на “юридические” и “не юридические”, являясь лишь априорным и абстрактным построением, само по себе не может дать ответа на вопрос, какие же факты являются “юридически значимыми”. Только при рассмотрении конкретного правоотношения можно установить, какие факты имеют значение для данного правоотношения и какие нужно отбросить» [33, с. 257–258].

Во второй половине 1930-х гг. А. Я. Вышинский, опираясь на своих приспешников, одобрил догматическую теорию права, приспособленную к нуждам административно-командного руководства страной, принудительно-репрессивной деятельности органов государства. В основу нового понимания права легла дефиниция, предложенная А. Я. Вышинским в июле 1938 г. на Всесоюзном совещании работников науки советского права: «Советское социалистическое право есть совокупность правил поведения (норм), установленных или санкционированных социалистическим государством и

выражающих волю рабочего класса и всех трудящихся, правил поведения, применение которых обеспечивается принудительной силой социалистического государства...» [34, с. 183]. В дальнейшем данное определение многократно дополняли, но суть его осталась неизменной до начала 90-х гг. прошлого столетия. В центре понятия права стоит государство, оно устанавливает и санкционирует юридические нормы, обеспечивает их принудительное исполнение. Этактистская концепция права вытеснила все другие теоретические построения, прежде всего, социологические подходы к праву.

Произошедшая смена правовой парадигмы не могла не отразиться на теории юридических фактов, которая естественно развивалась прежде всего на классовой марксистской основе. Исследователи обращают внимание на то, что юридические факты – это предусмотренные правовыми нормами обстоятельства, влекущие установление, изменение или прекращение правоотношений. Акцент делается на том, что «признание или непризнание за некоторыми явлениями общественной жизни или явлениями природы юридического значения зависит от воли господствующего класса» [35, с. 772] (чего не было в анализе юридических фактов П. И. Стучки). Подчеркивается, что буржуазная наука не разрешила и не могла разрешить проблем, связанных с учением о юридических фактах. Она якобы тщательно скрывала и скрывает классово-волевой момент в признании за некоторыми обстоятельствами общественной жизни юридического значения. Буржуазная наука не установила связь системы юридических фактов с историческим типом права, не объяснила, почему юридические факты способны повлечь установление правоотношений, не показала, что способность юридических фактов устанавливать правоотношения обусловлена не свойствами юридических фактов, а нормами права, выражающего волю господствующего класса [35, с. 772]. Уже в начале 1950-х гг. для советских юристов основным критерием классификации юридических фактов становится их отношение к воле человека. На основании этого признака юридические факты подразделяются на юридические события, т. е. такие обстоятельства, наступление которых не зависит от воли человека (явления природы, смерть человека), и юридические действия, т. е. проявления воли человека (сделка, распоряжение должностного лица), причем бездействие может быть одним из видов юридического деяния, т. е. юридическим фактом (халатность, непринятие должных мер), если оно предусмотрено в гипотезе нормы как условие ее применения. Юридические действия подразделяются на правомерные и неправомерные (правонарушения) [35, с. 773].

В энциклопедических изданиях более поздней поры особо обращается внимание на то, что в практике большое значение имеет подразделение правомерных действий на юридические поступки и юридические акты. Юридические акты – действия, которые совершаются с намерением вызвать юридические последствия (гражданин заключил договор страхования жизни, прокурор выносит постановление о возбуждении уголовного дела). Совершать их могут только лица, обладающие дееспособностью. Юридические поступки – действия, порождающие юридические последствия, независимо от того, стремилось или нет лицо к их наступлению. Неправомерные же действия подразделяются на преступления, административные, дисциплинарные и гражданские правонарушения [36, с. 510].

С начала 1970-х гг. при характеристике юридических фактов отмечается, что «в ряде случаев основанием возникновения прав и обязанностей является сложный фактический состав (комплекс фактов юридических)» [37, с. 194].

По сути, с этого же времени в научной литературе проблема юридических фактов стала объектом внимания диссертантов, авторов научных статей, монографических изданий. Среди них особо выделяются работы общетеоретического характера, в которых анализируются понятия и виды юридических фактов, их роль в правовом регулировании общественных отношений, другие стороны этой важной и сложной проблемы [38; 39; 40; 41; 42].

Немало работ посвящается исследованию юридических фактов, реализуемых в различных отраслях права. Естественно, что здесь авторов интересуют прежде всего особенности отраслевых юридических фактов и составов, способы их установления, доказательства и т. д. Разграничение исследований на «общетеоретические» и «отраслевые», разумеется, условно. Общетеоретические исследования нередко содержат суждения об отраслевых юридических фактах. В отраслевых работах можно встретить выводы общетеоретического характера. Значительное число исследований выполнено на стыке теории юридических фактов и других разделов юридической науки. Это работы, посвященные гражданским, уголовным, трудовым, семейным, процессуальным и другим правоотношениям, срокам, сделкам, трудовым договорам, деликтам и т. д. [43; 44; 45; 46; 47; 48].

Важный вклад в развитие учения о юридических фактах внес профессор С. С. Алексеев. Отмечая, что некоторые юридические факты (правосубъектность, гражданство и др.) имеют общий для всех общественных отношений характер, ученый указывает на недопустимость поддаваться иллюзии, что могут быть правоотношения, вытекающие якобы «непосредственно из закона». С. С. Алексеев обоснованно утверждает, что «ни одно юридическое последствие непосредственно из нормы права не

вытекает. Здесь везде необходимы юридические факты – конкретные жизненные обстоятельства, предусмотренные юридическими нормами» [38, с. 163–164].

Подчеркивая самостоятельную роль юридических фактов в механизме правового регулирования, С. С. Алексеев образно признает за ними значение «рычажков, приводящих в действие нормы права», которые выступают в качестве связующего звена между нормой права и субъективными правами (обязанностями) конкретных субъектов. Вследствие этого «юридические факты обладают известным собственным действием: они выполняют некоторые организующие функции, “предварительно” воздействуют на поведение людей, влияя на него еще до возникновения прав и обязанностей» [38, с. 164–165]. Вместе с тем анализ юридической литературы, энциклопедических изданий, материалов дискуссий не позволяет однозначно и категорически утверждать, что именно предложенное С. С. Алексеевым определение юридического факта как конкретного жизненного обстоятельства, с которым юридическая норма связывает возникновение, изменение или прекращение правовых последствий, стало фактически общепризнанным в теории права. Да, приведенное определение стало общепризнанным, однако в таком звучании и смысловой нагрузке оно излагается в дореволюционных трудах Ф. В. Тарановского, а также во всех советских энциклопедических юридических изданиях, начиная с 1953 г. Поэтому следует согласиться с В. Б. Исаковым, что среди правоведов высказывается мнение о консерватизме и даже формализме учения о юридических фактах, несмотря на то, что оно относительно новое явление в юриспруденции (в масштабе исторической эпохи нового и новейшего времени. – А. В.).

Для подобного утверждения есть веские основания. «Стабильным остается определение юридического факта и фактического состава, с незначительными вариациями воспроизводятся их классификации», юридические факты рассматриваются, как правило, только в связи с правовыми отношениями [5, с. 9]. Думается, что такие оценки являются прежде всего признанием разработанности теории юридических фактов, а значит и наличия фундаментальной основы для дальнейшего ее развития. Не случайно в последнее время опубликовано весьма значительное число работ, в которых в той или иной мере затрагивается и развивается учение о юридических фактах [9; 17; 49; 50; 51].

Появляются и такие произведения, в которых отражены попытки пересмотреть исторически сложившееся учение о юридических фактах как о реальных жизненных явлениях, с которыми действующее законодательство связывает определенные правовые последствия. Например, А. А. Дворецкая в своей кандидатской диссертации пишет «Юридические факты – конкретные жизненные обстоятельства, значимые для права, за которыми *правопорядок* (выделено нами. – А. В.) признает способность к движению правоотношения. Это означает допущение таких обстоятельств не только правовыми нормами, но и принципами права и всеми иными источниками права, его смыслом, тенденциями развития» [8, с. 17]. Суть приведенного высказывания, по всей видимости, сводится к тому, что юридические факты могут определяться не столько правовыми нормами, сколько фактическими отношениями. Ведь автор прямо утверждает, что именно правопорядок, который, как известно, представляет собой такое состояние общественных отношений, которое соответствует правовым предписаниям, предопределяет правовую значимость юридических фактов. Тем самым ставится под сомнение главное назначение юридических фактов как четко предусмотренных в законодательстве (в гипотезах правовых норм) обстоятельств, при наличии которых правовые предписания превращаются в реальные правовые связи конкретных субъектов права. При этом также не может не вызвать сомнения обоснованность противопоставления нормам права неких иных источников права, его принципов, смысла и даже тенденций развития.

В научных работах, посвященных юридическим фактам, как правило, затрагиваются вопросы их классификации. Именно классификации помогают выявить свойственные изучаемому объекту закономерности. Поэтому уже в самых ранних работах по юридическим фактам проявляется стремление к их обобщению и систематизации. Сложившаяся в юриспруденции классификация юридических фактов достаточно единообразна. И хотя попытки видоизменить существующую классификацию и отойти от классического деления юридических фактов, производимого на основании волевого признака (события – деяния, поступки – юридические акты) предпринимались, она в своей базовой основе сохраняется и в наше время. При этом появилось деление юридических фактов на односторонние и многосторонние, факты – состояния и результативные действия и др.

В отличие от классификации, сама категория юридического факта не отличается многообразием формулировок: конкретное жизненное обстоятельство, имеющее юридическое значение; конкретное жизненное обстоятельство, вызывающее в соответствии с нормами права наступление правовых последствий; конкретное жизненное обстоятельство с которым правовая норма связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношений. В любой дефиниции юридического факта всегда отражаются два момента: указание на явление действительности (событие или деяние) и его привязка к правовой норме в качестве основания для правового следствия. Юридические факты

бесперспективно изучать в отрыве от норм, их предусматривающих, так как одни и те же социальные факты могут рассматриваться правом по-разному, а потому вызывать разные правовые последствия.

Современное исследование юридических фактов включает в себя изучение таких проблем, как правовая природа юридического факта, функции юридических фактов, их признаки; общности юридических фактов (сложные юридические факты, фактические составы, большие фактические системы); конкретизация, фиксация, установление, доказывание фактов (эти вопросы традиционны для отраслевой юриспруденции и слабо разработаны в общей теории права); выбор юридических фактов законодателем, их дефектность, соотношение с другими видами фактов; особые юридические факты, например, фикции и презумпции, весьма слабо изученные правовой наукой вообще [52; 53; 54].

Некоторые из названных проблем в той или иной мере рассматриваются в монографии профессора В. А. Кучинского «Современное учение о правовых отношениях»: правовая природа юридического факта, функции юридических фактов и их классификация, установление и доказывание юридических фактов. Ученый впервые, как представляется, проводит четкую грань между правовыми презумпциями и фикциями, которые рассматриваются в качестве разновидностей юридических фактов, порождающих определенные правоотношения [4, с. 220–282]. Если юридическая презумпция представляет собой обладающее высокой степенью достоверности предусмотренное правовой нормой предположение о наличии или отсутствии определенного юридически значимого явления, то юридическая фикция – это не существующее явно явление, признанное в соответствии с законодательством в строго установленном порядке существующим в силу высокой степени его достоверности и ставшее вследствие этого юридически значимым. Иными словами, юридическая презумпция – продукт позитивного права, а юридическая фикция – результат правоприменения. Полагаем, что такое доктринальное суждение заслуживает особого внимания законодателя.

Вышеперечисленные научные проблемы в области теории юридических фактов имеют и непосредственно практическое значение. Решение любого юридического дела предполагает, с одной стороны, обстоятельный анализ содержания правовых норм в целях уяснения, какие на самом деле факты предусмотрены ими в качестве юридических, а с другой – всестороннее исследование того, действительно ли наступили факты, предусмотренные нормой, и достаточны ли они для решения дела. Поэтому практические работники и должны понимать важность теоретических знаний о юридических фактах, их разновидностях, функциональном назначении и соотношении. Совершенно прав В. Б. Исаков, который утверждает, что «практический смысл и научная ценность теории юридических фактов заключается в том, что она изучает один из аспектов фактической обоснованности правового регулирования» [5, с. 8]. Достаточно развернутая система юридических фактов, четко очерченных в законодательстве, своевременно, полно и достоверно установленных в процессе реализации права – одна из важнейших гарантий законности в социальном демократическом правовом государстве.

Библиографические ссылки

1. Комаров С. А., Малько А. В. Теория государства и права : краткий учебник для вузов. – М. : НОРМА – ИНФРА, 1999.
2. Сырых В. М. Теория государства и права : учебник. – 3-е изд. перед. и доп. – М. : Юрид. дом «Юстицинформ», 2004.
3. Теория права и государства : учебник для вузов / под ред. проф. Г. Н. Манова. – М. : БЕК, 1996.
4. Кучинский В. А. Современное учение о правовых отношениях. – Минск : Интерполиграф, 2008.
5. Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. – М. : Юрид. лит., 1984.
6. Хвостов К. В. Развитие правовых понятий в эпоху средних веков (методологический и конкретно-исторический аспекты проблемы) // Вопросы философии. – 2004. – № 1. – С. 128–136.
7. Дворецкая А. А. Теория юридических фактов в древнем римском праве // Актуальные проблемы правового государства и экономического развития Беларуси : материалы науч.-практ. конф., Минск, 17 мая 2003 г. – Минск : БГЭУ, 2003. – С. 44–46.
8. Дворецкая А. А. Становление теории юридических фактов в римской юриспруденции и ее развитие : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2007.
9. Москаленко И. В. Роль юридической науки в формировании и развитии гражданско-правовых понятий: история и современность // Современное право. – 2004. – № 11. – С. 60–71.
10. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М. : НОРМА, 2001.
11. Лебедев В. И. Общая теория права. – СПб. : Паровая скоропечатня Г. Пожарова, 1903.
12. Вишневский А. Ф. Развитие учения о юридических фактах как оснований возникновения правоотношений // Современные проблемы правовых отношений : сб. науч. тр. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь ; УО «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; под ред. проф. В. А. Кучинского и проф. Э. А. Саркисовой. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008. – С. 34–51.
13. Савиных Ф. К. Обязательственное право / пер. с нем. В. Фукса и Н. Мандро ; предисл. В. Ф. Попондопуло. – СПб. : Юрид. центр ПРЕСС, 2004.
14. Бычкова Т. В. Рецепция римского права в российском дореволюционном, советском и современном наследственном праве // Древнее право. – 2000. – № 1. – С. 188–193.
15. Томсинов В. А. Значение римского права в общественной жизни Западной Европы в XI–XIII вв. // Древнее право. – 1997. – № 1. – С. 112–121.

16. *Иеринг Р.* Дух римского права на различных ступенях его развития / пер. с 3-го, испр. нем. изд. – СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1875. – Ч. 1.
17. *Витушко В. А.* Континуальная теория юридических фактов // Проблемы правового регулирования хозяйственной деятельности экономики переходного периода : материалы науч.-практ. конф., Минск, 18 дек. 2001 г. / Белорус. гос. экон. ун-т. – Минск, 2002. – С. 3–9.
18. *Аннерс Э.* История Европейского права / пер. со швед. П. Л. Валинский [и др.] ; ред. В. Н. Шеняев. – М. : Наука, 1996.
19. *Барон Ю.* Система римского гражданского права / пер. с нем. Л. И. Петражицкого. – Киев, 1888. – Кн. 1.
20. *Васьковский Е. В.* Руководство к толкованию и применению законов. Для начинающих юристов. – М. : Юрид. бюро «Городец», 1997. – 127 с.
21. *Гримм Д. Д.* Лекции по догме римского права / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. – М. : [Зерцало-М](#), 2003.
22. *Покровский И. А.* Право и факт в римском праве : в 2 ч. – Киев : Типография императорского ун-та Св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1898. – Ч. I: Право и факт как материальная основа исков.
23. *Шершеневич Г. Ф.* Философия права. – Т. 1. Часть теоретическая: Общая теория права. – Вып. 1–4. – М., 1911–1912.
24. *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 т. – СПб. : Тип. тов-ва «Екатерингофское печатное дело», 1909. – Т. 2.
25. *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 т. – СПб. : Тип. тов-ва «Екатерингофское печатное дело», 1909. – Т. 1.
26. *Тарановский Ф. В.* Право в объективном и субъективном смысле. – СПб., 1911.
27. *Синайский В. И.* История источников римского права. – Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1911.
28. *Морандьер Л.* Гражданское право Франции. – М. : Иностр. лит-ра, 1958.
29. *Стучка П.* Конституция гражданской войны // Пролетарская революция и право. – 1918. – № 3–4. – С. 10–18.
30. Собрание узаконений РСФСР. – 1919. – № 66. – Ст. 590.
31. *Вішнєвські А. Ф.* Пошуки афіційної правової теорії у період становлення тоталітарного політичного режиму в СРСР // Сацьяльна-економічні і правові дослідження. – 2006. – № 1 (3). – С. 84–107.
32. *Паиуканис Е. Б.* Избранные произведения по общей теории государства и права. – М. : Наука, 1980.
33. *Стучка П. И.* Юридические факты // Большая советская энциклопедия / гл. ред. О. Ю. Шмидт. – М. : Советская энциклопедия, 1931. – Т. 65. – С. 257–258.
34. Основные задачи советского социалистического права : материалы первого совещания научных работников права, 16–19 июля 1938 г. – М. : Юрид. издат., 1938.
35. Юридический словарь / под ред. П. И. Кудрявцева. – М. : Госюриздат, 1953.
36. Энциклопедический словарь правовых знаний: Советское право / под ред. В. М. Чхиквадзе. – М. : Советская энциклопедия, 1965.
37. Большая Советская Энциклопедия : в 30 т. / под ред. А. М. Прохорова. – М. : Советская энциклопедия, 1977. – Т. 27.
38. *Алексеев С. С.* Общая теория права : курс лекций : в 2 т. – М. : Юрид. лит., 1982. – Т. 2.
39. *Исаков В. Б.* Фактический состав в механизме правового регулирования. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1980.
40. *Халфина Р. О.* Общее учение о правоотношении. – М. : Юрид. лит., 1974.
41. *Иванова З. Д.* Юридические факты и возникновение субъективных прав граждан // Советское государство и право. – 1980. – № 2. – С. 31–39.
42. *Синюков В. Н.* О понятии юридического факта в общей теории права // Вопросы теории государства и права. Вып. 7. – Саратов, 1986. – С. 107–121.
43. *Данилин В. И., Реутов С. И.* Юридические факты в советском семейном праве. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989.
44. *Красавчиков О. А.* Юридические факты в советском гражданском праве. – М. : Госюриздат, 1958.
45. *Марданов Д. А.* Юридические факты в механизме правового регулирования гражданских исполнительных правоотношений // Журнал российского права. – 2006. – № 10. – С. 72–77.
46. *Огурцов Н. А.* Правоотношения и ответственность в советском уголовном процессе. – Рязань : Рязанская Высш. шк. МВД СССР, 1976.
47. *Тарасова В. А.* Юридические факты в области социального обеспечения. – М. : Изд-во МГУ, 1974.
48. *Ярков В. В.* Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права. – Екатеринбург : СЮИ, 1992.
49. *Рябов А. Е.* Юридические факты в механизме правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Н. Новгород, 2005.
50. *Варламова Н. В.* Правоотношения: философский и юридический подходы // Правоведение. – 1991. – № 4. – С. 44–54.
51. *Дворецкая А. А.* Авторский опыт изучения теории юридических фактов в римском праве // Весн. Беларус. дзярж. экан. ун-та. – 2003. – № 2. – С. 94–96.
52. *Черниловский З. М.* Презумпции и фикции в истории права // Советское государство и право. – 1984. – № 1. – С. 98–105.
53. *Лотфуллин Р. К.* Юридические фикции в истории отечественного права // История государства и права. – 2006. – № 1. – С. 12–14.
54. *Бабаев В. К.* Презумпции в советском праве. – Горький : Горьковская Высшая школа МВД СССР, 1974.

Поступила в редакцию 09.04.2012.